

Работа восточногерманской исследовательницы И. Рохов, посвященная знаменитой византийской поэтессе IX в. Кассии (или Касии), построена не вполне обычным образом. Из заглавия книги читатель узнает, что речь пойдет не только о самой Кассии, но и о ее жизни в веках (Nachleben), а из предисловия, — что второй вопрос по причине своей малоизученности занимает автора куда больше, чем первый. В полном соответствии с этим распределен объем книги: из 199 страниц ее основной части (по вычете предисловия, примечаний и библиографии) жизни и творчеству Кассии посвящено лишь 69 страниц, а ее Nachleben — 130 страниц, т. е. почти вдвое больше. Все это само по себе вполне обычно, но что такое Nachleben Кассии? Она жила в памяти последующих поколений двояким образом: как автор определенных сочинений, известных преимущественно благодаря литургическому обиходу, и как героиня популярной легенды о смотре невест для императора Феофила. То и другое имеет друг к другу довольно ровное отношение: можно было пересказывать легенду об отвергнутой невесте, не слишком задумываясь над богослужебными поэмами Кассии, или, напротив, проявлять особый интерес к возглашаемым в церкви творениям поэтессы, ничего не зная о легенде. Если принять во внимание, что как раз с точки зрения И. Рохов рассказ о смотре невест не имеет к исторической Кассии никакого отношения (см. ниже), тематическое единство книги становится еще более сомнительным. Пока мы не покидаем пределов фольклора (или полуфольклорной балканской словесности вроде «моральной повести» М. Видяковича «Селим и Мерима», 1839 г.), это еще не так ощутимо: можно представить себе, что народная память о поэтессе в самых причудливых своих проявлениях есть все же некий ответ на его творчество. В самом деле, народное предание о Кассии переплетает с фабулой легенды мотивы подлинного творчества поэтессы¹. Но дело в том, что автор делает попытку проследить Nachleben Кассии вплоть до сегодняшнего дня — преимущественно в исторических романах, пьесах, популярных очерках и т. п. (в одном ряду со всей этой продукцией по воле автора оказывается французский стихотворный перевод подлинной стихир Кассии, являющий собою пример Nachleben в совсем ином смысле этого слова²). Слагатели народных преданий о Кассии по крайней мере слышали в церкви ее песнопения; но современные романисты, получавшие все свои сведения о ней из Гиббона или из Диля, — в каком внутреннем, содержательном, органическом отношении к византийской инокине и ко всему ее миру могут они стоять? Сведения, трудолюбиво собранные И. Рохов, принадлежат к истории новейшей литературы или окололитературной «индустрии романов»³; к изучению византийской культуры и ее подлинной «жизни в веках» они имеют очень мало касательства.

Поэтому пропорции нашего обзора не могут и не должны соответствовать пропорциям самой книги. В книге очень лаконично говорится о самой Кассии как исторической личности и творческой индивидуальности, но очень обстоятельно — о судьбах ее образа в романе и драме; в обзоре придется поступить как раз наоборот.

Часть I имеет заглавие: «Личность Кассии» (стр. 3—31). Останавливаясь на различных вариантах имени поэтессы (Касия, Кассия, Ейкасия, Икасия, а также позднейшие варианты Касиана и Кассиана), автор отдает предпочтение форме *Kassia*, а не *Kasia*, как в свое время делал Крумбахер: написание с одной сигмой засвидетельствовано лучшими рукописями, но написание с двумя сигмами — акростихом погреб-

¹ См. стр. 77 слл. Легенда связывает возникновение знаменитой великопостной стихир Кассии «Господи, яже во многие грехи. . .» с появлением императора Феофила в монастыре, где жила некогда отвергнутая им невеста.

² См. стр. 185—187. Утверждение, согласно которому рифмованный перевод Кристофа, опубликованный в 1924 г., представляет собой «единственное поэтическое переложение литургического стихотворения Кассии на современный европейский язык» (стр. 187), неверно. Надо полагать, что к категории «современных европейских языков» принадлежит между прочим и русский язык: а ведь русская поэзия знает такую обработку мотивов Кассии, сравнительно с которой опыт Кристофа не выходит за пределы корректного версифицирования. Кроме того, сама исследовательница приводит прекрасное новогреческое переложение этой же стихир, сделанное таким поэтом, как К. Паламас, и менее блестящие опыты того же рода у других греческих поэтов (стр. 135—136 и 169—171).

³ Чего стоит роман А. Кириакоса «Кассиана» с такими, например, названиями глав: «Трагедия одной грешницы», или «Дикая любовь дочери атамана пиратов!» К разряду того, что по-немецки именуется «Kitsch», следует, без сомнения, отнести и книгу Г. Руссака, длинный пассаж из которой приведен на стр. 190: «Несколько мгновений прекрасная Кассия стояла, немая, как мраморное изваяние. Затем она сделала господину императору насмешливый книксен (!). Она подхватила свой шелковый наряд, так что тот зашуршал и стали видны красивые икры (!), и прошествовала мимо Феофоры. . .» и т. д. и т. п. Разумеется, несерьезная словесность заслуживает самого серьезного изучения, — но едва ли в связи с Кассией.